

ВЕК XX: ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© 1993 г., ЭО, № 6

Р. Г. Кузеев

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ И ФЕДЕРАЛИЗМ В РОССИИ

Изучение опыта истории подсказывает нам, что перестройка межэтнических отношений — процесс постоянный, хотя и трудно улавливаемый в каждый данный момент. Исходя из этого можно предположить, что дальнейшее развитие общества в современной России или еще шире — на большей части территории бывшего СССР, которое сегодня характеризуется ломкой, перестройкой межэтнических, межнациональных, межгосударственных отношений, конфликтами, порой локальными войнами, в конечном итоге завершится установлением нового типа сотрудничества народов. Факторами, которые будут способствовать движению в этом направлении, будут не только воля и стремление уставших от хаоса и неопределенности демократических сил общества, не только растущее принятие во всех слоях идеи сотрудничества, экономического и культурного взаимодействия. Фундаментом нового исторического периода межнационального мира на территории бывшего СССР станет длительный опыт взаимодействия различных народов на Евразийском пространстве. Этот огромный опыт, накопленный в том числе и в XX столетии и охватывающий политическую, экономическую, этнодемографическую и, главное, культурную, духовную сферы жизни людей, может подвергнуться испытаниям, существенному или частичному разрушению, однако он не может бесследно и навсегда исчезнуть. В то же время реальные результаты опыта взаимодействия народов в нынешней ситуации не проявляются немедленно. Здесь важно ухватить, понять, измерить живущие в толще народа настроения, воспоминания, ориентации и способствовать их превращению в целенаправленный процесс.

В свете сказанного я хотел бы рассмотреть в настоящей статье историческую логику развития национального движения в Волго-Уральском регионе, хотя целый ряд наблюдений имеет отношение к России в целом.

1. Историческая ретроспектива. Национальные процессы, гражданские движения за суверенитет, федерализм имеют длительную историю. Современная ситуация будет понятной лишь в контексте истории.

В России национальные движения среди тюркских народов достигли апогея в конце XIX — начале XX в. Историю национальных движений в указанных хронологических рамках можно подразделить на четыре этапа:

а) «Национально-демократический» — примерно с конца XIX в. до революции 1905 г. Лейтмотив этого этапа — идеи возрождения тюркских народов на основе образования, просвещения, подъема культуры на родных языках, идеи равенства и паритета тюрко-мусульманских и славяно-христианских народов в развитии России. Идеолог данного направления Исмаил-бей Гаспринский писал: «... в будущем, быть может, недалеко, России суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств, что, я думаю, нисколько не умалит ее значения как великой христианской державы»¹.

б) «Социально-демократический» этап (с 1905 г. до 1919—1920 гг.). Содержанием этого этапа является утверждение лозунга самоопределения наций.

Спектр толкования понятия «самоопределение» был, однако, широк. В него включались призывы к «независимости» национальных тюркских государств; «национально-территориально-государственному федерализму» (в масштабах России или ее части); национально-культурной автономии. Так, в резолюции I Всероссийского мусульманского съезда (май 1917 г.) говорилось, что «наиболее интереса вызывает мусульманских народов... демократическая республика на национально-территориально-федеративных началах»². Национальное собрание мусульманских народов (Уфа, ноябрь 1917 г.) приняло резолюцию о подготовке «создания особого тюрко-татарского Идель-Уральского автономного штата с очень широкими правами как этапа к самостоятельности на случай невозможности сожительства с Россией»³. В программе партии «Алаш Орда» провозглашалось: Россия должна стать «демократической федеративной республикой»⁴. В целом, несмотря на множество течений и взглядов, в национальных движениях 1917—1918 гг. преобладали идеи демократического федерализма.

в) «Большевистский» этап начинается с 1919—1920 гг.; на базе «Декрета о мире», лозунгов революции — «Земля — крестьянам», «Самоопределение — нациям и народам» и пр. Национально-освободительное движение направляется в русло революционной классовой борьбы. Внутри движения происходит дифференциация и выделяется лево-радикальное крыло. Наиболее ярким его представителем был М. С. Султан-Галиев, с одной стороны, выступавший за «рабоче-крестьянскую» Татарскую республику, а с другой — ратовавший за то, чтобы «красноармейцы-татары» разносили «красное знамя классовой борьбы» по всем странам Востока⁵. Крупным событием этого этапа было образование в 1922 г. СССР, в который вошли (непосредственно или через РСФСР) более 50 союзных, автономных республик, национальных областей, округов, создавшихся на протяжении 1918—1940-х годов по принципу «национального размежевания». Однако при определении административных границ республик (национальных областей, округов, районов) этнический принцип был подчинен субъективным соображениям и действиям политического характера, негативные последствия которых сегодня сильно сказываются на межнациональных отношениях;

г) четвертый этап начался во второй половине 1980-х годов. Он является во многом возрождением второго, социально-демократического этапа национально-освободительного движения, однако в изменившихся условиях конца XX столетия.

2. Поражение национально-освободительного движения. Третий этап (большевизация национально-освободительного движения) приостановил исторически обусловленный распад Российской империи (который постиг в первые десятилетия XX в. многонациональные по составу населения государства: Османскую империю и Австро-Венгрию). От России к этому времени отделились Польша, Финляндия, Прибалтийские государства. Глубокие процессы в том же направлении развивались на Кавказе, в Средней Азии, началось движение в Среднем Поволжье, на Южном Урале. В конечном итоге большевикам удалось сохранить единство империи. Но сегодня важно ответить на вопрос: какой ценой? Здесь я не имею в виду жестокую борьбу в период «триумфального шествия» советской власти в 1917—1918 гг., кровавую гражданскую войну, репрессии и жертвы, которыми сопровождалась в 1920—1930 гг. национальное размежевание, создание СССР, что само по себе слишком дорогая цена. Это особая тема. Главная цена заключалась в том, что национально-освободительные движения в России были прерваны, как правило, насильственно, не решив своих задач, не реализовав свои цели и лозунги. Идея «самоопределения» (вплоть до свободного «отделения») превратилась в СССР в один из мифов созданной системы. А. З. Валиди в феврале 1923 г. писал В. И. Ленину: «...объявленные Советским правительством 20 ноября 1917 г. в Обращении „Ко всем трудящимся России и Востока“ права этих народов на самоопределение „вплоть до отделения от России“ в корне перечеркиваются Постановлением от 19 мая 1920 г.»⁶. С 1920-х годов национально-освободительное движение перемещается на другие уровни — в подполье на территории СССР, за рубеж — в эмигрантскую среду.

Борьба коммунистической партии и советской системы с «национализмом» и «националистами» еще в полной мере в историческом аспекте не оценена. Однако и сегодня очевидно, что эта борьба нанесла урон не только развитию наций и их культур; она на долгое время исказила в сознании людей идеи и лозунги национального движения, смысл понятий «самоопределение», «автономия», «федерация». Советское государство, формально вдвойне федеративное (СССР, РСФСР), превратилось в унитарно-федеративную политико-административную структуру со сверхцентрализацией всей политической и экономической жизни. Проблема взаимоотношения центра и республик, центра и окраин превратилась в одну из ключевых в политической истории СССР.

Эта проблема будет впоследствии тщательно изучаться, в том числе с привлечением свидетельств очевидцев, которые помнят мощный натиск единственной политической партии, направленный на нивелирование образа жизни, стиля поведения людей на всем пространстве СССР, включая 54 национальные республики, области и округа, на формирование «новой» социально-политической общности — «советского народа».

В то же время мы не должны вслед за публицистами упрощать процесс. Прошедшие советские десятилетия для народов бывшего СССР характеризуются индустриальным развитием, техническим прогрессом, подъемом образования, культуры, науки, освоением многих достижений современной цивилизации. Не пройдет бесследно и накопленный огромный опыт сотрудничества республик, областей, краев и народов. В то же время в эти годы происходили аккультурация, т. е. более или менее заметная утрата собственной этничности (национальных атрибутов культуры) и «модернизация» образа жизни на основе современной российской (русской) культуры. Этот двойственный процесс (в анализе которого мы должны быть максимально внимательными) был, с одной стороны, в какой-то степени естественным эволюционным развитием народов в контексте общих тенденций XX столетия. Аналогичные процессы протекали, по существу, во всем мире. С другой стороны, в СССР он жестко и насильственно формировался, был «уложен» в три-четыре десятилетия унитарной системы во имя политического и идеологического «единства» народов от Балтийского моря до Тихого океана. В этой двойственной аккультурации, которая порой перерастала в насильственную по существу ассимиляцию, и заложен тот потенциал новой волны национально-освободительного движения, свидетелями которого мы сегодня являемся.

Обсуждая нынешний накал национального движения в России, надо вспомнить статус и русского народа в прошедшие советские десятилетия.

Экономическое благосостояние, социальное положение русских не отличались или почти не отличались от благосостояния и положения других национальностей. Русские колхозники, рабочие, интеллигенты были такими же жертвами системы, как и аналогичные социальные группы всех народов страны. Однако в идеологии КПСС, в сознании руководящей элиты, в расстановке кадров жила и поддерживалась идеология этнической субординации, специфичная, естественно, для каждой национальной республики. Усиленно пропагандировалась идея «старшего брата» в «содружестве» народов, «ведущей нации», «прогрессивное» влияние русской нации, русской культуры, русского языка на все сферы жизни народов. Собственно, эти постулаты и явились идеологическим обоснованием деэтнизации или аккультурации, с той или иной глубиной охватившей все народы России, в том числе, как это ни парадоксально, и самих русских. В период второй мировой войны и в послевоенное время в стране в разные годы инспирировались антисемитизм (особенно в ходе борьбы с космополитизмом), негативное или откровенно враждебное отношение к репрессированным, депортированным народам Поволжья, Крыма, Северного Кавказа. За долгие годы идеологической обработки сознание части населения оказалось отравленным ядом шовинистических или националистических чувств, которые теперь в ходе возрождения национальных движений проявляются то русофобией, то антисемитизмом, неприязнью к «кавказцам», «татарам» или равнодушием к судьбе российских немцев.

Ничто в истории не исчезает бесследно. Семена межнациональной неприязни, шовинистическая идеология «старшего брата», антисемитизм присутствуют сегодня в лозунгах и программах различных течений, проявляются или готовы проявиться на улице, на рынках, в любых общественных местах и даже на респектабельных собраниях литераторов. Обратной стороной современной реакции на былую идеологию является крайний радикализм в национальных движениях, который время от времени выливается в вооруженные конфликты. Таковы отзвуки прошлого в современной истории.

3. Возрождение национально-освободительного движения. В конце XX в., в связи с «перестройкой», возродившееся национальное движение стало одним из важнейших факторов современной политической жизни. Начался четвертый этап в истории национальных движений в России. В целях, задачах, лозунгах, программах национально-культурных обществ, национальных партий нетрудно усмотреть идеи, которые возникли еще в начале XX в. и остались нереализованными. Это идеи «независимости» и создания «национальных государств», демократического федерализма, территориальной или национально-культурной автономии. Как и в начале XX в., в программах национальных движений можно увидеть сочетание, комбинации указанных целей. Не вдаваясь в специальный анализ, отметим, что с 1991 г. в силу сложившейся политической ситуации и борьбы политических групп идея независимости оказалась доминирующей. Это способствовало распаду СССР—РСФСР и бывшие союзные республики одна за другой объявили о своем суверенитете. В историческом масштабе случилось то, что должно было случиться еще в начале XX в. Отличие заключается в том, что если бы выход из состава СССР союзных республик произошел на основе не мифического, а подлинного самоопределения, то неизмеримо большими оказались бы реальные основы и перспективы для исторически неизбежных интеграционных процессов на Евразийском пространстве бывшего Союза.

В то же время трагическая ирония истории проявилась в том, что в большинстве республик, провозгласивших независимость, возникли те же противоречия и проблемы на национальной почве, которые оказались камнем преткновения для всего СССР. В большинстве суверенных республик отчетливо просматриваются тенденции к укреплению «единой и неделимой» унитарной государственности, противодействие принципам демократического федерализма, тем более к борьбе за национально-государственную независимость. Даже идея национально-культурной автономии в ряде мест переживает серьезные испытания.

Эти проблемы, трудности и противоречия не миновали и Российскую Федерацию после обретения ею государственного суверенитета. Об этом свидетельствует и противостояние на Северном Кавказе, Среднем Поволжье, Южном Урале, в Южной Сибири, появление у части общества негативного отношения к «кавказцам», оживление в некоторых регионах страны антисемитизма, в новых миграционных течениях, в локальных межнациональных конфликтах и противоречиях и т. д.

Процессы усложняются действиями многочисленных партий, общественных организаций и групп, их лидеров, а также стремлением политических группировок использовать национальные движения в борьбе за власть. Этот последний тезис убедительно обосновать без специальных исследований трудно. В то же время совершенно очевидно, что нынешние национальные движения одновременно отражают как подлинные устремления народов или их частей к возрождению и умножению этничности (языков, традиций, культур), так и расклад политических сил, социальных групп в борьбе за влияние и власть⁷.

Клубок этих противоречий продолжает нарастать, что весьма затрудняет возможность прогнозирования окончательных итогов этнополитического развития как на территории бывшего СССР, так и в Российской Федерации. На мой взгляд, нынешний исторический отрезок надо рассматривать как некий фрагмент более

обширного и еще далеко не завершившегося периода. Это во-первых. Во-вторых, анализ развивающейся ситуации с привлечением многочисленных современных или исторических аналогий, почерпнутых за пределами евразийского пространства СНГ, едва ли правомерен. Очевидно, мы должны более глубоко изучать специфический опыт этнополитической истории России (в разных ее границах)⁸. С этих позиций ученые призваны искать возможные пути влияния на события с тем, чтобы способствовать удержанию России от распада.

4. Старые и новые лозунги национальных движений и их реальность. Успешному разрешению накопившихся противоречий противостоят две крайние тенденции, выражающие в конечном счете интересы и устремления радикальных групп в национальных процессах, хотя внешне эти тенденции облекаются в традиционные политические формулы.

С одной стороны, речь идет о возродившемся лозунге унитарной «единой и неделимой» России (или другой бывшей союзной республики). По содержанию этот лозунг довольно аморфен (встают вопросы: «единой» — в каких границах? «неделимой» — в каком смысле и с кем?). Указанный лозунг реанимирован сторонниками унитарного государства, которые отражают интересы совокупности «патриотических» сил. Зададим вопрос: реален ли такой лозунг, реальна ли эта цель, перенесенная из шовинистически настроенных кругов царской России XIX столетия и тоталитарно-централистской идеологии XX в. на современную ситуацию кануна III тысячелетия? Разве не очевидно, что несмотря на демократическую фразеологию явных и скрытых сторонников унитаризма, на рассуждения о разделении «полномочий» и «функций» центра и республик, речь идет об известном нам унитарном федерализме. Ответ может быть только один — идея воссоздания унитарной государственности России сегодня, после семи лет трудного процесса демократизации общества, нереалистична. Подчеркну — нереалистична без насилия. А насилие порождает только насилие. Движение по этому пути может создать для Российской Федерации вечную проблему, так как кроме Башкортостана, Татарстана, Саха и Чеченской республики в федерацию входят еще 17 республик. К тому же, в контексте общей истории конца XX в. едва ли правомерна и может быть понята ситуация, когда Россия, объявив собственный суверенитет, одновременно пытается продолжать нереалистичную политику СССР по отношению к другим республикам, дискредитированную самим фактом развала этого государства.

С другой стороны, в ряде бывших автономных республик (Татарстане, Башкортостане, Туве, Чечне и некоторых других) в общественных движениях возникли лозунги полной государственной независимости с немедленным или последующим отдалением от России. Обычно это реакция на крайне негибкую, тяжеловесную политику московского аппаратного центра, очень медленно отвыкающего от привычной роли «старшего брата». Но нередко это и стремление — особенно среди национальной интеллигенции к возрождению некогда существовавшей (в основном в эпоху средневековья) государственности или определенного уровня политической самостоятельности. Формально, на официальных уровнях, такое стремление не поддерживается.

Так или иначе, идея государственной независимости и отделения от России возникла и живет у части общества. Не нужно думать, что эту идею можно обнаружить только в республиках. Возможны и другие варианты распада России — региональные. Обращает внимание «готовность» к независимому или самостоятельному развитию в ряде регионов многих или некоторых важных структур (хозяйственно-экономических в виде рудиментов недавних «больших экономических районов», политико-идеологических, военных, научных и даже академических). В случае развития событий по этому варианту вновь может возникнуть соблазн к подавлению «националистических», «национал-сепаратистских» движений, которые, естественно, будут «подрывать» «единство и неделимость» республик. К какому насилию, к какой эскалации гражданского

противостояния это может привести видно на примере сегодняшних событий в ряде бывших союзных республик.

Обсуждение проектов Конституции РФ активизировало дискуссии по этнополитическим проблемам. Возродился и обрел новое звучание вопрос об уравнении в Российской Федерации статуса республик, областей, краев как в экономическом, так и в политическом отношениях. В центре дискуссии оказались, естественно, темы о правах «субъектов» Федерации — республик и областей (краев), реформа административно-политической структуры России с целью ее унификации и др. Совершенно ясно, что все это — реакция на Федеративный договор, на «суверенитет» республик, на договорный процесс, который вяло, но все же идет между Татарстаном, Башкортостаном, другими республиками и Российской Федерацией. «Антиреспубликанские» настроения отчетливо проявляются в областях Урала, где в последнее время набирает силу и влияние радикальное крыло русского патриотического движения⁹. Оно воздействует на практическую политику, о чем свидетельствуют коллективные политические заявления ряда областей Урала. Нет сомнения, что «ответ» республик будет незамедлительным и, собственно, он уже прозвучал: в результатах референдума по Татарстану и Башкортостану; в «Политическом заявлении глав республик Российской Федерации» (от 26 мая 1993 г.), которое, правда, было пересмотрено Советами глав республик, но все же остается фактом, что в конце мая оно было составлено; в ослаблении взаимодействия между различными политическими силами внутри республик... Идеи об унифицированном политико-административном устройстве РФ найдут сторонников среди различных слоев населения: как среди тех, кто, оглядываясь на наше историческое прошлое, призывает восстановить губернскую систему, так и среди тех, кто, воспринимая опыт Запада, стремится доказать преимущество деления страны на «штаты», «земли», «провинции».

В связи со сказанным снова встает вопрос — насколько реалистичны эти идеи и цели в конце XX столетия? Ответ едва ли может быть положительным. Конечно, в отличие от Закавказья и Средней Азии, народы Поволжья и Южного Урала пребывают в составе России почти четыре с половиной столетия. За эти столетия накоплен исторический опыт сотрудничества у тюркских, финно-угорских и восточнославянских народов, сформировался общий пласт культуры, который выступает сегодня фактором относительной межнациональной стабильности в Волго-Уральском регионе. Но имеет значение и другой фактор: исторический опыт установления многими народами (например, башкирами) договорных (в определенном смысле «федеративных») отношений с Россией¹⁰. Такие акции были выражением формирования довольно сложной и противоречивой национальной политики в Русском государстве. Несмотря на все сложности борьбы башкир и других народов за соблюдение постоянно нарушаемых «договоров» об условиях присоединения к России, они в конечном счете сыграли немалую роль в формировании многонациональной Российской государственности и в сохранении этничности¹¹.

Следовательно, идеи и принципы национально-политических образований в составе России уходят в далекое дореволюционное прошлое, реанимируются в памяти народов, точнее, в определенных слоях населения, и этот факт невозможно не учитывать при анализе современного состояния и прогнозах ближайших перспектив этнополитического развития в РФ. Кроме того, авторам слишком «крайних» идей об унификации национально-политического устройства России надо бы помнить, что анализ нашей истории в XX столетии только начинается. Нам еще предстоит понять этнополитические и этнопсихологические последствия «национально-государственного» строительства в СССР, не эмоционально, а на основе фактов, обновленных источников установить реальный статус разных национальностей, их отдельных представителей как в целом в стране, так и на различных иерархических ступенях общества, выявить факторы, воздействовавшие на политическое поведение тех или иных слоев и групп, этнических образований и т. д. Словом, на рубеже двух тысячелетий мы вступаем в некий

переходный период, достаточно, видимо, длительный, на протяжении которого от обществ, вставших на путь сближения с цивилизованным миром, с его демократическими принципами социально-политической организации государства, положения и прав личности, статуса этнических образований, потребуются компромиссы. Суть этих компромиссов (в целях стабильного прогресса всех народов) будет заключаться в соблюдении динамического равновесия, баланса на каждом этапе истории унаследованных и новых политических структур, базирующихся, с одной стороны, на идеях национально-политического самоопределения, имеющих глубокие корни в нашей стране с конца XIX — XX вв., с другой — на идеях и принципах прав человека, равенства народов, формирующихся в демократическом мире с середины XX в., которые, надо надеяться, в XXI столетии станут целью всего человечества.

Таковы общие подходы к анализу темы, которые дают основание подчеркнуть следующее: если бы крайне радикальным силам все же удалось спровоцировать движение за абсолютную независимость республик или тотально-унитарную государственность, то в Поволжье и на Урале (в республиках региона «некоренное» население составляет от 35 до 75%) это могло бы вылиться в конфликты с непредсказуемыми последствиями. Однако, думается, политическая ситуация на обширной территории Волги и Урала не создает возможности для подобных вариантов политического развития.

Таким образом, в конце XX в. в масштабах всей России одинаково нерелистичны как цели унитарного федерализма, так и цели абсолютной независимости национальных республик. На десятилетия опережают также вероятную логику исторического развития декларации и реальные устремления к полной унификации политико-административного устройства России.

5. Нам нужна демократическая Федерация. В этих условиях единственной плодотворной альтернативой и для России, и для республик в ее составе является демократический федерализм, идею которого отстаивали лидеры национальных движений еще в начале XX в. Тогда же были обрисованы в общих чертах принципы демократического федерализма как формы правления, которая сочетала бы энергичную федеральную власть с широким суверенитетом республик, широкими правами других субъектов Федерации, которая следовала бы принципам разделения властей, их взаимного сдерживания, утверждала бы начала политического и общественного плюрализма, народного представительства и на всех уровнях местного самоуправления. Демократический федерализм как система правления призван поддерживать баланс власти в центре, в республиках, на местах, соблюдать великий закон равновесия социального и культурного развития народов и т. д. Федерация, как видим, представляет собой двухуровневую политическую систему, где суверенные субъекты федерации и суверенный федеральный центр взаимозависимы и поэтому обладают в сущности взаимно ограниченным (сбалансированным, равновесным) суверенитетом. Не покажется ли кое-кому последнее обстоятельство недостойным такой великой державы, как Россия, или не соответствующим объявленным декларациям о суверенитетах республик? Однако надо помнить, что на другом конце политической шкалы находятся федерации с тоталитарными режимами, которые мы пережили и еще не забыли, что советская федерация была более централизована, чем демократические унитарные системы.

Как видно, в условиях России не все лозунги и цели национальных движений начала XX столетия сохранили к его концу прежнюю реалистичность. Между национальными движениями начала и конца XX в. лежит историческая полоса в семь — восемь десятилетий. За это время, особенно после второй мировой войны, произошли крупные изменения в политической и социальной сферах, которые не могут не быть приняты во внимание национальными и гражданскими движениями, претендующими на прогрессивность своих программ. В глобальном масштабе это провозглашение в 1948 г. Декларации о правах человека, о равенстве наций и народов, Хельсинкское соглашение, а также все сильнее проявляю-

щаяся в мире тенденция к экономической, а в ряде случаев и к политической интеграции. В России это — формирование (в связи с индустриализацией и урбанизацией, крупными стройками, освоением целины и т. д.) новой этнодемографической структуры населения и, соответственно, многоязычной ситуации в городах и поселках. Думается, в общем балансе крупных изменений, произошедших в XX в. на пространстве бывшего СССР и особенно в России, не последнее место занимают ощутимые сдвиги в ориентациях этносов и людей в сторону более тесных взаимных контактов, возросший уровень коммуникабельности населения.

В равной степени эти изменения касаются Волго-Уральского региона, Башкортостана, где этнические и административно-политические границы не совпадают и совместить их практически невозможно. Повсюду в СНГ, где радикальные силы выдвигают такую цель, возникают конфликты, то и дело перерастающие в локальные войны. Уже сегодня необычайную остроту приобрела проблема беженцев; движение беженцев растет, и по масштабам его характер на всем пространстве бывшего СССР может стать катастрофическим. Одним из факторов, способных сдерживать разгорание новых межнациональных конфликтов, могло бы стать политико-административное устройство обретших независимость государств на основе демократической федерации, построенных на базе основных ценностей XX столетия — прав человека, равенства народов. В суверенных республиках, областях и краях в составе Российской Федерации целесообразно не на словах, а на деле возродить традиции и опыт 1920-х — начала 1930-х годов по созданию национальных районов и, возможно, других территориально-административных образований. Но парадокс заключается в том, что провозглашение суверенитета странами СНГ зачастую моделирует идеологию прежнего СССР, отказывая в тех же правах другим народам. В результате мы получили Приднестровье, Абхазию, Осетию... Между тем подлинно демократическое федеративное устройство многонациональных государств не только остановило или предупредило бы войны, но и открыло бы пути к более тесной экономической и политической интеграции.

Таким образом, унаследованные от идеологов национальных движений начала XX в. лозунги «державности», «единых и неделимых» или тотально «независимых» республик в условиях сегодняшней России нереалистичны, содержат в себе заряд насилия, конфликтов, борьбы. В настоящее время будет расширяться социальная база тех сил, которые выступают за демократическую федерацию.

Строительство «обновленной» федерации потребует компромисса, гибкости как со стороны центра РФ, так и со стороны республик. Это естественно. Однако кратко обрисованная выше историческая специфика, обусловленная сверхцентрализацией СССР в недавние десятилетия, подсказывает, что центр должен понять целесообразность и проявить готовность пройти больше половины пути навстречу республикам. Такова историческая особенность момента, которая кроме всего прочего включает сегодня накал национальных и общегражданских настроений в республиках, с чем не могут не считаться их руководители. Важный момент заключается также в том, что республикам необходимы политические и экономические основы (стартовые условия) для будущего развития и процветания, от чего будет зависеть и благосостояние самой России. Изложенные в «Приложении к федеративному договору от Республики Башкортостан» условия и направлены на создание таких основ путем «подписания дополнительного соглашения»¹².

Можно понять стремление центра Российской Федерации как можно быстрее создать экономическую и финансовую основу для всей совокупности федеративных структур, сохранить прежнюю систему налоговой политики, прежние объемы отчислений в центральный бюджет. Однако здесь придется выбирать между необходимостью (и желанием) полного и немедленного оформления федерального государства, финансового обеспечения его социальных, военных и других программ, с одной стороны; и перманентным противостоянием в РФ центра и республик, которое может перерасти в опасную борьбу, — с другой. Думается, что в историческом масштабе оптимальный вариант заключается в

разумном наращивании общедоделальных расходов, в перераспределении расходов на социальные и культурно-образовательные цели между центром и республиками, в предоставлении возможно более широких прерогатив для самостоятельного возрождения и развития обновленным республикам.

Иногда в «патриотически» настроенных кругах можно услышать вопрос: «против» кого, каких сил направлено сегодня национально-освободительное движение? Нет царской России — «тюрьмы народов», нет СССР и, следовательно, «центра» и «окраин»... И далее следует «вывод»: национально-освободительное движение направлено против России, против русских. Сегодня не существует тезиса более ошибочного и более опасного. Из изложенного выше видно, что национальные движения в бывших автономиях Волго-Уральского региона направлены не «против», а главным образом «за»: за определенный уровень политической и экономической самостоятельности в составе России. Вероятно, не возникло бы и «парада суверенитетов», не будь столь безнадежно девальвировано понятие «автономия». Есть, конечно, в движении и элементы борьбы «против». Но не против России и русских, а против несокрушимой «системы», инерции административно-управленческого мышления, против бессмертного синдрома централизма, против снобистской идеологии «старшего брата», а на деле концепции неравенства народов. Сказанное не означает, что в республиках Волго-Уральского региона вообще невозможны коллизии между русским и коренным населением. Эта проблема, кстати, слабо изучается. Среди факторов осложнения этих отношений (а поводы могут быть разными) надо обратить внимание на разность культурного уровня потомственных русских-горожан и сравнительно недавно урбанизированную часть коренного населения, которое еще не завершило адаптацию к городской среде и к городскому образу жизни. Большая его часть оказалась маргинализированной, оторвавшись от традиционной культуры и пережив процесс неполной русско-городской аккультурации. Поэтому последующие процессы будут зависеть от характера и темпов развития культуры в городе и более глубокой адаптации выходцев из села к относительно высоким городским стандартам (культурно-образовательным, поведенческим, бытовым) жизни.

б. Самоопределение и саморазвитие. В печати неоднозначно толкуется понятие «суверенитет». На страницах многих центральных газет и журналов «суверенитет» отождествляется с «сепаратизмом», с «национализмом» (в отрицательном значении этого слова), «подрывающими» единство России и заодно радикальные экономические реформы. Суверенитет, как видно, понимается его оппонентами в рамках привычной формулы «самоопределение вплоть до отделения» с акцентом на последнем слове. К сожалению, в центральной печати по поводу республиканских деклараций о суверенитете (и формирования соответствующей атрибутики) допускаются иронические неуважительные комментарии, карикатуры. Нередко звучат также обвинения, упреки в стремлении «коренных» народов получить политические и экономические привилегии на основе одной лишь этнической принадлежности «республикообразующей» или «титульной» нации. Ради справедливости надо сказать, что в программах радикальных направлений национального движения такие требования действительно встречаются. Однако подавляющее большинство национальной общественности республик, в том числе Татарстана, Башкортостана стоит на позициях здравого смысла и понимает суверенитет как определенный уровень (достаточно высокий) политической и экономической самостоятельности республики в составе России. В этой позиции могут отражаться, как нередко подозревает центральная и местная печать, сложные перипетии борьбы за власть в республике, стремление определенных групп использовать лозунги национального движения в политических целях. Но было бы упрощением сводить всю политическую ситуацию к этому тезису. Рядом находится более

мощный фактор: ещё не утраченная до конца надежда различных слоев населения, людей разных национальностей на преодоление кризиса, на последовательное проведение экономических реформ с более надежной социальной защитой, опираясь на самостоятельность республики в экономической и политической сферах в рамках соглашения с центральными органами РФ. При этом самостоятельность, особенно в деловых кругах, действительно понимается широко, в том числе и в недостижимой ранее области внешнеэкономической деятельности.

В указанном смысле республиканский суверенитет и демократический централизм не противоречат, а дополняют и усиливают друг друга. Следовательно, нет основания отождествлять суверенитет республик с сепаратизмом; это неправомерно и несправедливо. В Башкортостане нет ни одного антирусского лозунга, нет политического сепаратизма, нет помыслов о распаде или разделе России. Суверенитет для республики есть воплощение исторической мечты башкирского народа и стремления всего народа Башкортостана построить процветающую Родину путем созидательного труда ее граждан на земле предков — с разумным использованием богатств ее недр, со страстным желанием восстановить исковерканную природу Южного Урала, сберечь жизнь и здоровье детей, обеспечить им достойную жизнь.

В республиках есть и другая трактовка понятия «суверенитет». В местной печати суверенитет действительно понимается порой как обретение политической свободы, за которым последует бесконечное «светлое будущее», счастье и благополучие. Такое восприятие суверенитета является инерцией идеологических стереотипов прошлого. Намного прагматичнее делать акцент на реалистическом понимании суверенитета, который, кроме территориально-государственного самоопределения, имеет в виду *саморазвитие, самоответственность, самообновление* как постоянный образ жизни и поведения во всех структурах и уровнях общества.

Реализация суверенитета республики требует, следовательно, от ее парламента, правительства, других структур власти и общества, от национальных общин, наконец, от каждого человека высокого уровня самостоятельности, саморазвития и собственной ответственности, которые должны обеспечить республике, ее народу, каждому человеку более эффективные и быстрые по сравнению с Россией в целом направления и темпы экономического, социального и культурного развития.

7. Башкирский народ и народ Башкортостана. Народам в странах СНГ, в том числе в РФ, дан сегодня новый импульс национальной консолидации, сопровождающийся ростом национального самосознания, обостренным отношением к статусу нации «республикообразующей», «титულიной», «коренной» и к этнической атрибутике (языку, культуре, этнической территории). В этих условиях в многонациональных суверенных республиках идут дискуссии, порой очень острые, о правах и взаимоотношениях «коренных» и «некоренных» народов. Порой эти дискуссии выливаются в определенные действия. Учитывая особенность и сложность нынешней ситуации, эти процессы также приходится считать естественными, неизбежными, пока они проходят в рамках закона, протекают в цивилизованных формах. Однако представления о Волго-Уральском регионе, в частности о Башкортостане, как об относительно стабильных и спокойных в смысле межнациональных отношений в последнее время заколебались. Пока нет оснований думать, что в будущем эти процессы не усложнятся.

В условиях строительства обновленной Российской Федерации и суверенного Башкортостана можно избежать просчетов, допущенных в СНГ, направить процессы в демократическое русло, строго сообразуясь с реальностью сложившейся этноисторической ситуации. С этой точки зрения, свободное развитие башкирского народа на основе саморазвития и государственной поддержки, достижение им высоких социальных, экономических и культурно-образовательных рубежей, бо-

лее глубокая адаптация к урбанизированным формам жизни, возрождение и рост благосостояния башкирской деревни, расширение новых форм ведения сельскохозяйственного производства, дальнейший качественный рост интеллигенции, укрепление постоянных связей с башкирской диаспорой будут иметь стабилизирующее значение. К такому направлению развития башкирского этноса общественность республики вполне подготовлена. Какие бы термины мы не использовали для обозначения коренных жителей республики и более обширного региона, общественность осознает, что башкиры живут на своей исторической родине. Невозможно также не учитывать, что восприятие этого факта обыденным сознанием представителя башкирского этноса необычайно глубоко: оно нашло отражение во всех слоях богатой традиционной духовной культуры башкир. Развитие башкирской нации в указанных направлениях будет процессом постоянным; при условии сбалансированности темпов и качества этого процесса с развитием других этносов он будет протекать гармонично и не вызовет межнациональных коллизий, тем более конфликтов.

В то же время субъектом суверенного Башкортостана является все многонациональное население республики: русские, украинцы, татары, чувашаи, казахи, мордва, удмурты, немцы, латыши, марийцы, евреи и др. Численность этих этнических групп колеблется от нескольких тысяч до полутора и более миллионов. Все они имеют в условиях Башкортостана специфические культурно-языковые особенности, интересы и устремления в той или иной степени связаны с материнскими этносами в соответствующих республиках Российской Федерации или других странах и, естественно, также имеют право на свободное саморазвитие и государственную поддержку.

В аспекте наполнения суверенитета Башкортостана реальным содержанием закономерным и естественным будет процесс сплочения всех национальных образований республики в некое социальное сообщество, которое можно называть «народом Башкортостана». Это территориальное образование будет интегрировать, исключительно во имя общих социальных целей, все население Республики при полном сохранении этничности каждым образованием. Термин «народ Башкортостана» начинает входить в прессу, использоваться в официальных документах, но процесс формирования этого сообщества только начинается. Его успех зависит от того, в какой мере все национальности Республики будут осознавать целесообразность именно такого пути развития, который поможет решить социальные задачи, не разрушая, а, напротив, укрепляя этничность, соблюдая интересы каждого национального образования. Однако на пути к этой цели в национальных движениях представляется важным периодически пересматривать, уточнять те или иные программные положения, цели, лозунги, имевшие эмоциональную нагрузку в момент возрождения движений, образования национально-культурных обществ, но в современных изменяющихся условиях становящиеся препятствием для продвижения к миру, согласию и гармонии в межнациональных отношениях. Следует, в частности, отказаться от «стратегической» цели VI Всебашкирского конгресса (1992 г.) к полной «независимости» Башкортостана, что, во-первых, не соответствует современным мировым тенденциям, во-вторых, негативно воспринимается небашкирским населением республики, вызывает его озабоченность. Не реалистичны лозунги ТОЦ (Татарского общественного центра) об отделении Уфимской губернии от РБ, образовании Идель-Уральского штата. Но эти лозунги «воспаляют» воображение части татарской интеллигенции и, естественно, вызывают негативную реакцию и противостояние башкирской общественности. Невозможно считать соответствующими условиям конца XX в. и тезисы в программах Башкирского Национального Центра (БНЦ) об исторически обусловленной приверженности башкир к общинному (колхозно-совхозному?) укладу, о верности башкир традициям только общинно-

вотчинной собственности. Хорошо известно, что и тот и другой принципы в основе разрушились еще задолго до революции 1917 г., а за годы советской власти полностью трансформировались в колхозно-совхозные формы организации труда и в коллективное (в сущности безличное) пользование государственной землей.

8. Образовательный, научный и культурный потенциал РБ. Если парламент, правительство РБ, лидеры национальных, общегражданских движений действительно озабочены тем, чтобы суверенный Башкортостан в составе демократической федерации смог выбрать и осуществить эффективные варианты экономического роста, необходимо в первую очередь разработать реальную концепцию подъема просвещения, образования, науки и культуры как надежной базы будущего движения республик по пути наиболее цивилизованных стран мира и без промедления приступить к ее осуществлению. Этот путь после второй мировой войны прошли многие страны, в том числе ФРГ и Япония. Почти через 50 лет после победоносного окончания Отечественной войны этот путь предстоит пройти и нам. Реформированная система просвещения и образования, будучи плюралистической, максимально учитывая потребности и запросы развивающихся национальностей, должна быть ориентирована на формирование у молодежи чувства патриота Республики Башкортостан, принадлежности к своей национальности и одновременно к народам Башкортостана и России.

Суверенитет республики существенным образом меняет требования к организации и структуре науки. Необходимо от сложившихся десятилетиями вертикальных субординаций переходить (сохраняя и укрепляя связи науки с научными центрами в РФ, в СНГ и других странах) к горизонтальной системе, которая явится основой для обновленной организации науки в Башкортостане. Перестройка науки в республике неизбежно будет комплексной, так как в относительно едином политическом и экономическом пространстве фундаментальная наука, отраслевые исследования, вузы и их исследовательские структуры будут сближаться, переплетаться и составлять некое единство. Определяющим звеном в этом единстве станет фундаментальная наука, от которой во многом зависит уровень и эффективность деятельности остальных звеньев системы. Учреждение Академии наук РБ является в этом смысле продвинутой в будущее акцией, которая должна дать видимый результат для Республики, ее многонационального народа в ближайшие годы.

Реформирование и развитие просвещения, образования, науки, культуры станет мощным фактором саморазвития республик и этносов, их экономического подъема. Движение именно в этом направлении со временем создаст социальную базу для нового этапа политических реформ, в том числе в этнополитической сфере. Само собой, потребуется время, и немалое, для изменения социальных и этнических ориентаций. Однако это естественный и, пожалуй, единственный путь развития, обещающий успех, гармонию в обществе, сохранение единства России. Ни эмоциональные лозунги и призывы, ни нетерпеливые и нетерпимые акции, ни преждевременные форсированные программы, ни пропаганда «идеальных» зарубежных образцов для России не приведут к этим целям.

Осуществление изложенного здесь направления развития потребует, естественно, от Республики Башкортостан, равно как от других республик — субъектов РФ, разработки своей собственной внутренней политико-административной структуры. Эта структура должна учитывать специфику демократической федеральной системы и создавать в РБ возможности для территориально-культурного и национально-культурного развития¹³. В обновленной административно-политической структуре (с широкими правами на самоуправление) появится возможность с большей полнотой учитывать и реализовывать права этнических образований, в том числе вытекающие из международных конвенций.

Обновленная административная система повлечет за собой избрание во властные структуры нового поколения политически и социально активных людей. Это

разрушит устоявшиеся консервативные образования на уровне районных эшелонов власти и придаст импульс демократическому направлению политического и социально-экономического развития.

Взаимоотношения центра и республик (мест) всегда были непростыми. Сейчас они усложняются в связи с неизбежным переходом на горизонтальные связи и отношения на основах равенства и паритетности. Эти отношения имеют перспективу упроститься, гармонизироваться, стать сугубо деловыми и цивилизованными, если:

а) Российской Федерацией в лице ее парламента и правительства будут ясно и четко сформулированы и доведены до народа РФ генеральные принципы национальной политики, административно-политического устройства государства вплоть до самых низовых звеньев в городах и селах, декларированы демократические основы устройства федеративного государства;

б) Республикой Башкортостан в лице ее парламента и правительства будут ясно, четко и обоснованно изложены национальная политика, намерения в области языкового строительства, административного устройства РБ, отношение к правам этнических образований и национальных меньшинств;

в) будут четко определены на переходный период «распределение власти в полиэтнических обществах»; накопленный опыт подсказывает, что целесообразно в многоэтнических государственных образованиях в законодательных структурах иметь палаты национальностей; депутаты этих палат могут быть избраны по принципу национального представительства; палата национальностей парламента (меджлиса, конгресса, совета...) может принять решение с учетом мнений национальных партий и движений о квотах участия представителей той или иной национальности в органах законодательной и исполнительной власти;

г) Республика Башкортостан будет иметь свою политику и программы радикальных экономических реформ (соотнесенную с программой РФ), рассчитанную на более быстрое продвижение по пути преодоления кризиса и на более эффективную социальную защиту граждан;

д) Интеллигенция РФ и РБ будет влиять на национальные и гражданские движения конструктивно, в аспекте установления и соблюдения баланса, равновесия разнородных сил, стремления направить энергию различных движений на утверждение стабильности политической ситуации как в РФ, так и в РБ;

е) Российской Федерацией и Республикой Башкортостан будет сделан акцент на сохранение и развитие культуры, науки и образования как важнейшего условия и фактора сбалансированного этнополитического развития многонациональных обществ в будущем.

Примечания

¹ Гаспринский Исмаил-бей. Русское мусульманство. Оксфорд, 1985. С. 25.

² Программные документы мусульманских политических партий. 1917—1920 гг. Оксфорд, 1985.

С. 11.

³ Исхаки А. Идель-Урал. Л., 1988. С. 49—50.

⁴ Программные документы мусульманских политических партий. С. 86.

⁵ Султан-Галиев М. С. Статьи. Оксфорд, 1984. С. 38.

⁶ Диалог. Приложение к журналу «Агидель». 1990, декабрь (на рус. яз.). С. 3.

⁷ Кульчик Ю. Г. Этнополитические процессы в Башкортостане (Информационно-аналитический обзор). М., 1992.

⁸ Источниковая база для таких исследований в границах Республики Башкортостан недавно создана благодаря изданию весьма информативного трехтомника «Этнополитическая мозаика Башкортостана. Очерки. Документы. Хроника» (Составитель и ответственный редактор М. Н. Губогло). Т. 1 — Контуры этнополитической ситуации в очерках и законодательных актах. М., 1992. 306 с.; Т. 2 — Башкирское национальное движение. М., 1992. 342 с.; Т. 3 — Векторы этнополитической ситуации в документах и материалах. М., 1993. 341 с.

⁹ См.: Тропинин П. Края, области отвергают ранжирование // Отечество. Еженедельная газета (учредитель: общественное объединение «Русь»). Уфа, 1993. май. № 13.

¹⁰ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. В. Федерация и история России. Книга первая. М., 1992. С. 35, 139—140.

¹¹ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 105—112; 114—121 и др.

¹² Газета «Известия Башкортостана». 17 июля 1992 г.

¹³ См.: Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. В. Указ. раб. С. 256—260.

National Movements and Federalism in Russia

The development of national movements in Volgo-Ural region within historic context is analyzed in the article, but some statements can be concerned to the Russia in whole. There are four stages marked by the author: 1. «National-Democratic» (late 19th century — 1905); 2. «Social-Democratic» (1905—1920); 3. «Bolshevik» (the 1920th); 4. Modern (from mid 1980th). The fourth stage is examine in details. A special attention is paid on problems of sovereignty and national self-determination. Authors' look on modern Bashkortostan and its political, cultural and national development is given in conclusion.

R. G. Kuzeev